

На уран он жизнь свою потратил,
Много лет в горах его искал
И от этой жизни в результате
Он свой громкий голос потерял...
Он заплакал и пошел, рыдая,
Через реки, горы и поля,
И лежала перед ним большая,
Женщинами полная Земля...

Вот еще забавная история. Практикой по палеонтологии у нас руководил Борис Васильевич Наливкин. На зачете надо было по внешнему виду определить тип окаменелости. Моему однокурснику Коле Золотокрылину достался отпечаток древнего папоротника. «Ну-с, — сказал Наливкин, — что вы об этом думаете?» «Если это то, что я думаю, — ответил Коля, — то где же у него глаза?..»

Ректор Горного, член-корр. Академии наук СССР Келли одевался более чем экстравагантно. Во время геодезической практики под Псковом к группе студентов подошел босоногий старичок в холщовой рубаше и соломенной шляпе: «Вы, ребята, неправильно копае-

же русским со словарем». Из английского он выучил слово «эбаут» («примерно», «около»). «Что-то в нем родное», — объяснял Павел Васильевич. Спросят его иностранцы, какова длина «Крузенштерна», наверное, метров сто? «Эбаут», — отвечал Власов. Зашли как-то в Гибралтар; командующий базой адмирал Томас Бест пригласил на обед. Подали черепаховый суп, лакеи налили в бокалы какую-то жидкость. Власов взял бокал сказал мне: «Переведи, мол, за мир и дружбу!» и залпом махнул весь бокал. Сэр Томас Бест смутился. Оказалось, Павел Васильевич хлопнул не вина, а виноградного соуса, который доливают в черепаховый суп по вкусу.

— Александр Моисеевич, покажите по карте, где вы бывали.

— Ну, весь Севморпуть, все побережье Ледовитого, многие острова. Станция «Северный полюс-17». Обошел почти весь Тихий океан. Вот здесь — Полюс относительной недоступности, между Южной Америкой и Новой Зеландией. И на Гавайях, и на Новой Гвинее, и тут, и там... Индийский океан: в Центральной котловине и близ Сингапура, и здесь, и здесь. В Антарктиде. Ну а Атлантика — просто «дом родной».

— В прессе сообщалось, что вы возглавляете худсовет Ассоциации российских бардов («Арба»), в который входят Булат Окуджава, Новелла Матвеева, Юлий Ким. Это общественные связи. А личная дружба с теми, кого зовут бардами?

— Дружил с Визбором, с Высоцким, дружу с Никитиными, словом, со всеми, кто поет и сочиняет. С Володей Высоцким как-то выступали вместе, я в первом отделении он во втором. Его зрители не хотели отпустить: бис, бис! «Ну выйди, еще спой!» — сказал я. Он вдруг резко повернулся и яростно прохрипел: «Ладно, эти не понимают! Но ты-то свой, ты обязан понимать: я сдохну, если спою еще хоть одну!» Он полностью выкладывался, сжигал себя... Однажды за столом он отказался от налитой рюмки. Я стал подначивать, и Володя сказал грустно: «Погоди, Саня, и ты доживешь до того, что станешь отказываться».

— Для «Вечернего клуба» найдете что-нибудь свое новое, еще не публиковавшееся?

— Гм. Сейчас поищу. Есть один стих — о пишущей братии. Правда, не обо всей. Берите.

— Спасибо. И еще вопрос. Мне кажется, что ваш невысказанный, но вытекающий из всего вашего творчества принцип: «Мальчишкой до седых волос!» Мальчишкой в лучшем смысле слова. Не так ли?

— Так. Только почему «невысказанный»? В стихотворении «Остров Гваделупа» прямо заявлено: «Не страшно потерять умение удивлять, страшнее потерять умение удивляться... Так пусть же даст нам Бог, за все грехи грозя, до самой смерти быть солидными не слишком. Чтоб взрослым было нам завидовать нельзя, чтоб можно было нам завидовать мальчишкам».

20 марта Александру Городницкому — шестьдесят. Это отнюдь не вечер. Это «залитый солнцем вокзальный перрон завтрашних дней». Нынешним бы тридцатилетним такие молодые глаза.

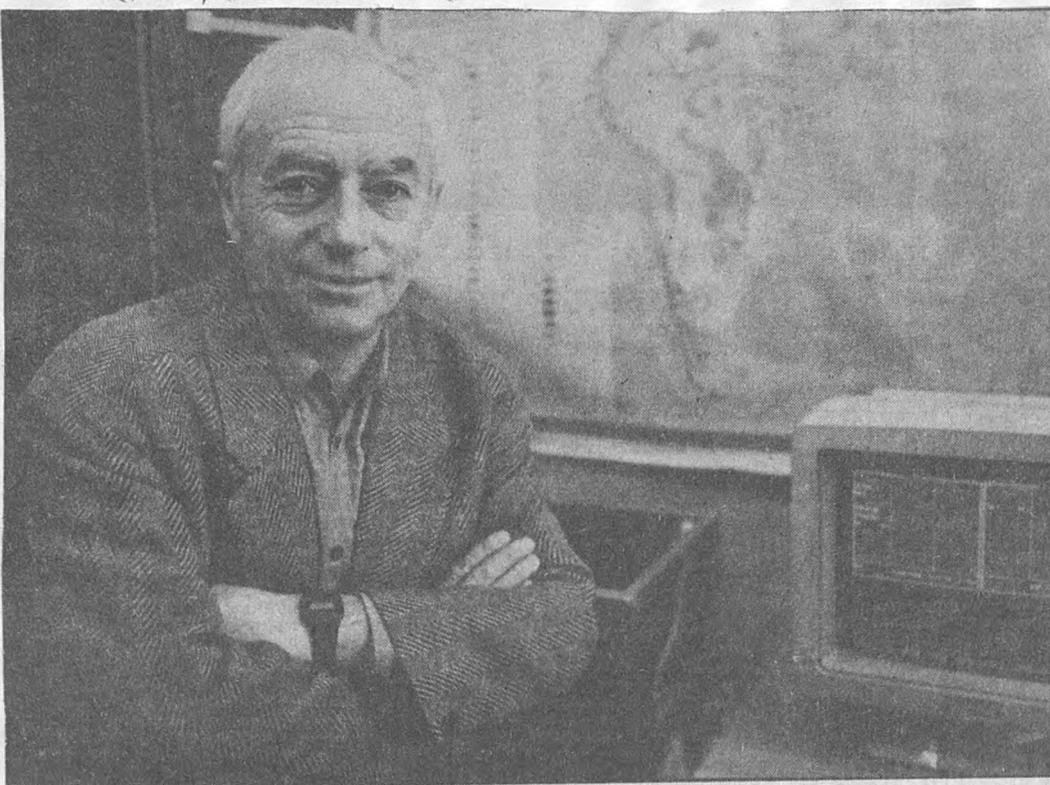
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

На снимках: А. Городницкий сегодня; на Памире.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.
и из архива А. М. ГОРОДНИЦКОГО.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

Те, кто тянет ладонь к перу,
Не зовите Русь к топору —
Только в руки возьмешь топор,
Он поскачет во весь опор.
Злой воды, где шуршит шуга,
Не зови на свои луга,
Утопив твоего врага,
Не вернется река в берега.
Не зовите Русь к топору —
Пламя вскинется на ветру.
Запыляет отцовский дом —
не загасишь его потом.
Не припомнят былых обид
Кто убил и кто был убит.
Будет помнить хмельной инвалид
Довоенный уютный быт.
Не зовите Русь к топору —
Этот путь не ведет к добру.
Не от этого ль топора
Помирать вам придет пора?

Вет. клуб - 1993. - 30 янв. - с. 4

"Не страшно потерять умение удивлять — страшнее потерять умение удивляться"

Это он сочинил: «От злой тоски не матерись! Сегодня ты без спирта пьян. На материк, на материк ушел последний караван...». Доктор геолого-минералогических наук, профессор. И это тоже он: «В нашу гавань заходили корабли...» Член-корреспондент Российской академии естественных наук, автор двухсот печатных научных работ, пяти монографий, и скоро выходит шестая — «Магнитное поле океана, первая подобная в отечественной океанологии. «Снег, снег, снег, Милая, что тебе снится?..» 35 лет в экспедициях, десятки океанских рейсов, погружений в обитаемых подводных аппаратах. «Солнце незакатное, и теплый ветер с востока...». «А я иду по деревянным городам...», «Все перекаты да перекаты, послать бы их по адресу!..», «Хоть похоже на Россию, только все же не Россия...»

Кажется, я всю жизнь пою его песни. И вот сбылось: сегодня мой собеседник — Александр ГОРОДНИЦКИЙ.

— Александр Моисеевич, когда мы, участники 19-й антарктической экспедиции, возвращались на теплоходе «Башкирия» домой, над Атлантикой гремело наше (точнее, ваше): «Нет места для земных обид на нашем корабле! Мы будем пить за тех, кто спит сегодня на земле!»

— Приятно слышать. Это вы тогда подружались с полярным геологом, поэтом Олегом Тарутиным? Он, между прочим, и мой старый друг. Однокашник по Горному институту. Мы с ним стихи друг друга знаем наизусть.

— И я знаю, ваши и его. Давайте вспомним, как вы начали писать стихи?

— Случайно. Учился я в 254-й ленинградской школе; мемориальная доска на фасаде которой гласила, что здесь на собраниях кружка «Зеленая лампа» у Никиты Всеволодского бывал Александр Пушкин... И вот мы, два семиклассника, пошли записываться в кружок рисования Дворца пионеров. Кружок

в тот день не работал. Из-за одной двери я услышал голос, читавший очень красивые стихи (после узнал — Вийона). Выяснил: это студия литературного творчества. Чтобы поступить в нее, надо представить три собственных стихотворения. Ну, я их тут же и написал. Первое — об умирающем гладиаторе, подозрительно смахивавшее на лермонтовское, второе — о Чингисхане, третье — о Древнем Риме. И был принят.

— А печататься когда начали?

— О, стыдно вспоминать. В 8-м классе сочинил «политически грамотные» стихи о поджигателе войны Черчилле и обнародовал их на отчетном вечере нашей студии.

— Вы сами сочиняете музыку к своим стихам. Она запоминается сразу, трогает, не оставляет безразличным. Профессионалы считают ее вполне профессиональной. Как это получается?

— Не знаю, называть ли это музыкой. В экспедициях, как известно, всяким стихам предпочитают песни. Я и стал напевать свои стихи. Нотную грамоту не знаю, ни одним музыкальным инструментом не владею. Если, по мнению окружающих, песня получалась, мы записывали ее на магнитофон. А уж после, когда понадобилось, профессиональные музыканты перенесли мелодии с магнитной ленты в ноты. Недавно выпустил книгу «И вблизи, и вдали», в ней мои стихи сопровождаются нотами.

— «И вблизи, и вдали» — мемуары. Читал их с наслаждением, говорю от души. Но это не беллетристика, не сюжетная проза. Вот Олег Тарутин написал цикл блестящих философских сказок. А вы? Отважитесь на прозу?

— Никогда! Я и на воспоминания отвечаю, лишь вспомнив афоризм Герцена, который на вопрос: «Кто имеет право писать мемуары?» ответил: «Всякий. Потому что никто не обязан их читать».

— Почему вы выбрали именно Горный институт?

— В самом деле, почему? Геологией не увлекался, камни не собирал, о профессии понятия не имел. Скорее всего привлек меня образ жизни. Желание стать «настоящим мужчиной», пройти сквозь испытания. Институт основан был Екатериной II как «офицерский корпус горных Ея величества инженеров».

— В каждом вузе свои «байки», расскажите горные.

— «Отечество нам — Горный институт!» Бессонные ночи над «Теорией машин и механизмов» — ТММ, которую мы расшифровывали: «Тут Моя Могила». Наша будущая специальность была предметом разнообразных сексуальных шуток (имея в виду последствия работы на урановых месторождениях). Я написал трагикомический гимн горных инженеров:

«Мы возмутились: «А пошел бы ты, дед, знаешь куда?» И сказали, куда. И он пошел. А назавтра, явившись на зачет по практике, мы с ужасом увидели «деда» в генеральском мундире во главе комиссии.

— Вашу «блатную» — «Я до весны, до корабля не доживу когда-нибудь» — недавно по телевидению назвали народной. А почему вы ее написали?

— Видите ли, «блатные» песни еще до появления «штрафников» Высоцкого и «лагерных» мотивов Галича были особо любимы интеллигенцией времен «оттепели»: многие интеллигенты тогда возвращались из лагерей. Эти песни становились естественным продолжением «кромольных» разговоров... Сам я никогда не сидел, «память давняя» не ложилась мне «зеленой тушкой на плечо». Но довелось бывать на страшных рудниках. «Где дышат горы горячо» и где работали в основном заключенные. Кстати, зэки моей песней дорожат. Я там как-то заикнулся о своем авторстве, так они взвились: «Еще раз скажешь — пришлем! Какой-то фраер с материка этукую песню сочинить не может! Для этого надо всю жизнь страдать в зоне!»

— Лейтмотив вашей лирики — тема, как вы сами пишете, женоненавистничества. «Моей вдове совсем иное снится». «За тех, кто нас давным-давно, наверное, не ждет»... Неужели это автобиографично?

— Нет, не надо путать лирического героя песни с ее автором. В экспедициях люди не ходятя подолгу, тоскуют, с тревогой и обостренной ревностью ждут радиogramм или писем. Вы ведь сами были в антарктической экспедиции, знаете, какие черные мысли там порой одолевают. В моих текстах — попытка выразить эти переживания.

— Я звонил вам домой, ответил очень мелодичный голос...

— Моя жена, Анна Анатольевна Наль, поэт и переводчик. Считаю, она — мастер своего дела, глубокий и серьезный. Недавно вышла и ее книга с предисловием Давида Самойлова:

— Вам доводилось ходить на парусном судне? Взбираться на мачты, реи?

— Ходил на самом «Крузенштерне»! Выпросил у боцмана страховочный пояс, добрался по вантам до марса — площадки метрах в 25 от палубы, полез выше на салинг. Но вверх вели более узкие ванты. В какой-то момент я глянул вниз: ого-го, вокруг океан и только у самого основания мачты — полоска тверди... «Снимали тебя втроем, — рассказывал, похотывая, капитан Павел Власов. — Двое держали, третий твои пальцы от вантин отжимал».

Власов был опытный моряк. Как сам он говорил, «высших женских курсов не кончал, зато владею строевым, матерным, а так-

